

Очерки России XIX века —

Егор Сенников
Расходящиеся тропы

О ТЕХ, КТО УЕХАЛ,
И ТЕХ, КТО ОСТАЛСЯ

Individuum, 2026

УДК 929
ББК 63.3
С31

С31 Сенников, Егор.
Расходящиеся тропы. Очерки России XX века — о тех, кто уехал, и тех, кто остался / Егор Сенников. — М.: Индивидуум, Эксмо, 2026. — 144 с. — (vol.).

ISBN 978-5-04-232042-2

В каждом из очерков книги куратор и исследователь Егор Сенников выхватывает из потока истории судьбы отдельных людей: от когда-то всевластного Льва Троцкого до погибшего на гражданской войне в Испании летчика-белогвардейца Всеволода Марченко, от создательницы «Рабочего и колхозницы» Веры Мухиной до вернувшейся в СССР спустя 65 лет поэтессы Ирины Одоевцевой. Выхватывает, чтобы запечатлеть мгновенной фотовспышкой, на паре страниц рассказать, как обошелся с ними XX век, и идти дальше. Политики, поэты и художники, лауреаты премий и эмигранты, беженцы и возвращенцы — все они двигались путаными дорогами, которые иногда выбирали, иногда принимали, смиряясь с неизбежным. Отрывистая, стремительная книга, где из разрозненных фрагментов складывается портрет сурового времени, чем-то похожего и на сегодняшний день.

УДК 929
ББК 63.3

© Егор Сенников, 2026
© ООО «Издательство «Эксмо», 2026
ISBN 978-5-04-232042-2
Individuum®

Вступительное слово автора	7
Прозрение в буре. 1919	11
Интермедия I.	15
Смена караула и обустройство в новой реальности. 1923	21
Разговоры о тайном. 1926	25
Время расставаться с иллюзиями. 1928	30
Жребий был брошен уже давно. 1929	34
Интермедия II.	38
Крах принца. 1930	41
Вперед, Москва! Ликуй, Кишинев (?). 1932	45
Отче наш, иже еси на небесех. 1937	48
В ожидании капель дождя. 1939	52
Интермедия III	56
Время жатвы. 1944	71
Всеобщее равенство. 1945	76
«Россия» выходит в море. 1948	80
Прощайте, семидесятники. 1953	84
Сигналы и знаки. 1957	88
Разнесенные ветром. 1960	92
Вечное возвращение. 1963	97
Побежденные? Победители? 1964–1965	101
Мост между параллельными мирами. 1966	105
Надо прислушиваться, чтобы спастись. 1972	109
Вдаль улетают облака. 1977	114
Неслучившееся . Конец 1970-х	118
Сон и явь. 1980–1981	126
Желание говорить. 1987	129
Ритуалы прощания. 1991	132
Последний шаг	135

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО АВТОРА

Исторические события редко предлагают нам очевидный выбор.

История почти никогда не выводит нас к развилке с указателями и подписями — точным расстоянием до следующего города. Напротив, чаще всего она выглядит как тропа, по которой люди идут рядом друг с другом — пока в какой-то момент не обнаруживается, что каждый давно уже движется в своем направлении.

«Расходящиеся тропы» — книга именно о таких моментах. О той точке, где общее прошлое еще не распалось, но общего будущего уже не существует. О времени, в котором люди продолжают говорить на одном языке и ссылаться на одни и те же ценности, но вкладывают в них разный — а иногда противоположный — смысл.

Первая половина XX века была эпохой такого расхождения.

Люди, вышедшие из одного мира, оказались в разных исторических пространствах, не всегда отдавая себе отчет в том, как далеко их разносит судьба. Ехал поезд, а потом вагоны цепляли к разным составам, и кому-то — в Берлин, а кому-то — в Москву. Одни остались, другие уехали. Одни приспособились, другие сопротивлялись. Одни оставили после себя карьерные свершения и многотомные труды, другие — только записи в дневниках. Но важнее не сами решения, а то, что последствия этих решений раскрывались не сразу. Иногда — через годы, иногда — через десятилетия, а иногда — только после смерти.

Эта книга напитана воздухом, которым все мы дышим сегодня. Она родилась из ощущения, что все те выборы, которые совершали ее герои, не остались далеко в прошлом, а живут и сейчас — где-то здесь, рядом, в языке, в привычках, в интонациях, в том, как мы объясняем себе чужие поступки и собственные решения.

Герои этой книги — люди, живущие внутри времени, которое не объясняло себя и не обещало какой-то финальной развязки, после которой начинаются титры. Это не хор, поющий одну партию, а скорее перекличка, где голоса не сливаются в унисон и не заглушают друг друга. Здесь рядом звучат Владимир Набоков и Михаил Булгаков, Максимилиан Волошин и Бела Кун, Алексей Толстой и Георгий Адамович, Лев Троцкий и Владимир Маяковский, Георгий Эфрон и Вера Оболенская.

Их судьбы вспыхивают короткими световыми пятнами на темной ткани эпохи — не для того, чтобы сложиться в единую картину, а чтобы на мгновение высветить направление движения.

В этих вспышках становится видно главное: как человек идет, где почти незаметно сворачивает, что оставляет позади и что уносит с собой, и как его частная, на первый взгляд случайная жизнь вдруг оказывается втянутой в большое, безличное течение истории.

Я не выстраиваю иерархии судеб и не раздаю приговоры.

Я не хочу определять, кто был прав, а кто ошибался. В XX веке слишком часто подменяли понимание судом — и делали это с избыточным, почти маниакальным рвением. Вместо этого «Расходящиеся тропы» предлагают взглянуть в сам процесс расхождения: в то, как одни и те же события, одни и те же даты и одни и те же имена встраивались в совершенно разные биографии и разные представления о мире.

Мне всегда казалось важнее ловить мгновения, в которых время вдруг сгущается до одной болевой точки — той самой, где все неожиданно становится ясным и невыносимо отчетливым. Показать не общий план, а эпизод. Не непрерывное движение, а вспышку. Сцену, в которой на одном столе могут лежать стихи и приговоры; где между двумя фразами умещается целая жизнь; где случайная деталь вдруг говорит больше, чем толстый том комментариев. Эта книга — документальная проза, но я никогда не верил в беспристрастную хронику. Факт без внутреннего напряжения мертв. Мне важно было держаться за точность — и одновременно за ту правду времени, которая проступает не в сводках, а в паузах, нервных подробностях и странных совпадениях, в тот миг, когда история на секунду приоткрывает свое лицо, а потом снова отворачивается.

Изначально «Тропы» были циклом текстов, появившихся в телеграм-канале издания «Кенотаф». Сама идея этого цикла была подсказана мне моим другом и наставником Сергеем Простаковым. Такие тексты редко рождаются в одиночку, даже если в конце на обложке стоит одно имя. За ними всегда скрываются разговоры, иногда долгие, иногда случайные, глубокие и поверхностные. И доверие, которое позволяет идти дальше.

А тропы, по которым идут герои этой повести, не исчезли. Они не оборвались в двадцатом веке и не остались в архивных папках. Они продолжают и сегодня. Мы идем по ним, каждый по-своему, часто не отдавая себе в этом отчета, повторяя жесты, интонации, ошибки и надежды тех, кто шел раньше.

История не предлагает нам развилку. Она просто ведет — до тех пор, пока каждый не оказывается на своей тропе.

Прозрение в буре

1919

Так странно: кажется, Набоков ничего не написал о Булгакове.

О многих высказался. Брехт? «Ничего не значит для меня». «Доктор Живаго» Пастернака? «Думать, что это великий роман — это абсурдное заблуждение, сравнимое с тем, как загипнотизированный человек занимается любовью со стулом». Джейн Остин? «Великая».

О Булгакове не оставил, видимо, ничего. Литературоведы часто пишут о параллелизме мотивов, о рифмах между одними из важнейших русских романов XX века — «Мастером и Маргаритой» и «Даром». Но что сами авторы об этом думали — черт его знает.

В России, иди жизнь так, как она шла, им многое мешало встретиться: сын родовитого депутата из особняка на Большой Морской и сын профессора Киевской духовной академии вращались в слишком разных кругах. Но треснула старая жизнь, развалилась. В 1919 году Владимир и Михаил оказались относительно недалеко друг от друга в довольно схожих ситуациях.

Выходы оказались разными.

А ведь год (от революции третьей) начинался для них относительно спокойно. В январе Набоков пишет в Ялте поэму «Двое» — свой ответ на «Двенадцать» Блока. В ней он показывает идиллическую жизнь влюбленной дворянской пары; в дом к ним врываются двенадцать человек: всё уничтожают, портят, грабят. Пара бежит в лес, мерзнет, утопает в снегу — и падает замертво; настигшие злодеи снимают кольцо с руки женщины и плюют в ее «мертвое лицо». Ненависть к произведению Блока Набоков сохранит и спустя 50 лет.

У Булгакова тоже всё в порядке, несмотря на бурную политическую обстановку — в Украине власть перешла к Директории УНР. Булгаков ведет частную практику, 5 января выписывает пациенту «г-ну Судзиловскому: настой травы горичвета, натрия бромид, кодеин — принимать по столовой ложке три-четыре раза в день». Жизнь идет.

У судьбы свои планы на обоих.

Власть в Директории переходит к Симону Петлюре, вскоре после этого он объявляет войну Советской России — по сути, это просто констатация факта, война идет уже давно. В феврале Булгаков получает «какую-то записку», идет отметить — и попадает под мобилизацию сил Директории как врач. В том же феврале Владимир Набоков примеряет сапоги уходящего в Белую армию кузена Юрия Рауша фон Траубенберга; тот рвется в бой, вслед за ним Набоков задумывается о том, чтобы записаться добровольцем.

Через неделю после этого Рауша убьют: пулеметная очередь снесет ему полголовы, когда он понесется на врага на коне.

Булгаков за дни в петлюровских войсках успеет столкнуться со страшным: увидит, как солдаты жестоко убьют еврея на улице. После этого он заболит и долго не сможет встать. Сцена эта будет преследовать его до конца жизни.

Буря гонит обоих из дома.

Булгаков переживает занятие Киева большевиками, но остается в городе — хоть и боится мобилизации. Всячески от нее уклоняется — и сумеет протянуть до августа, когда город отобьют деникинские войска. Мобилизации к белым он уже не избежит — и буря понесет его: осенью Булгаков окажется на Кавказе, в составе деникинских войск, подавляющих Чечню.

Набоков в это время уже не в России. 15 апреля 1919 года на корабле «Надежда» он покинул ее навсегда.

К осени Владимир проделал путь в Англию через Стамбул, Афины и Гавр и осваивается в Кембридже: играет в футбол и теннис, его бесят сокурсники, фанатеющие по Ленину и большевикам.

12 ноября 1919 года он пишет:

*Будь со мной прозрачнее и проще:
у меня осталась ты одна.
Дом сожжен, и вырублены рощи,
где моя туманилась весна,*

*где березы грезили, и дятел
по стволу постукивал... В бою*

*безысходном друга я утратил,
а потом и родину мою.*

На следующий день в газете «Грозный» выходит статья Булгакова «Грядущие перспективы». Он пишет:

Безумство двух последних лет толкнуло нас на страшный путь, и нам нет остановки, нет передышки. Мы начали пить чашу наказания и выпьем ее до конца.

Они оба правы.